

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800023673-6

Неизвестная статья Б. А. Садовского “Философия брака”: пушкинский контекст

© 2022 г. Ю. А. Изумрудов

Кандидат филологических наук,
доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603000, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37
izumrud.nnov@mail.ru

Резюме. Вводится в научный оборот неопубликованная статья Б.А. Садовского “Философия брака”, написанная в 1923 г., в очень трудный для автора послереволюционный период, и раскрывающая его представление о сущности и составляемых счастливого брака. Определяющий тезис статьи о том, что из всех личностных достоинств женщины, вступающей в супружество, самым ценным является такт. И в этом отношении идеал жены, по Садовскому, Татьяна из романа “Евгений Онегин”. Анализ метатекстовых связей статьи с привлечением биографического фактора дает основания сделать вывод, что образ пушкинской героини концептуально важен в плане как эстетических, так и житейских приоритетов автора. В качестве материала для анализа статьи привлечены, в частности, неизвестные исследователям письма В.П. Уваровой к Садовскому, отношения с которой стали одним из стимулов к написанию “Философии брака”.

Ключевые слова: Б.А. Садовской, “Философия брака”, А.С. Пушкин, Евгений Онегин, Татьяна Ларина, В.П. Уварова.

Для цитирования: Изумрудов Ю.А. Неизвестная статья Б.А. Садовского “Философия брака”: пушкинский контекст // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 44–52. DOI: 10.31857/S160578800023673-6

Unknown Article by B. A. Sadovsky “Philosophy of Marriage”: the Pushkinian Context

© 2022 Yuriy A. Izumrudov

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the N.I. Lobachevsky
Nizhny Novgorod State University,
37 Bolshaya Pokrovskaya Str., Nizhny Novgorod, 603000, Russia
izumrud.nnov@mail.ru

Abstract. This publication attempts to draw wide scholarly attention to an unpublished article by B.A. Sadovsky entitled “Philosophy of Marriage”. Written in 1923, in a very difficult for the author post-revolutionary period, it reveals his idea of the essence and components of a happy marriage. The defining thesis of the article is that tact is the most valuable of all the personal virtues of a woman entering into marriage. In this regard, the ideal wife, according to Sadovsky, is Tatyana from Pushkin’s “Eugene Onegin”. An analysis of the metatextual connections of the article along with the biographical factor gives reason to conclude that the image of Pushkin’s heroine is conceptually important in terms of both aesthetic and everyday priorities of the author. To assist in the analysis of the text, letters from V.P. Uvarova to Sadovsky were used. Their relationship became one of the incentives for writing the “Philosophy of Marriage”.

Key words: B.A. Sadovsky, “Philosophy of marriage”, A.S. Pushkin, Eugene Onegin, Tatyana Larina, V.P. Uvarova.

For citation: Izumrudov, Yu.A. Neizvestnaya statya B.A. Sadovskogo “Filosofiya braka”: pushkinskij kontekst [Unknown Article by B.A. Sadovsky “Philosophy of Marriage”: the Pushkinian Context]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 6, pp. 44–52. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800023673-6

В соответствии с планами подготовки научного собрания сочинений Б.А. Садовского нами проводится работа по выявлению и систематизации его неизвестных текстов. Некоторые из них мы уже опубликовали в ряде изданий: в “Болдинских чтениях”, “Вестнике ННГУ им. Н.И. Лобачевского”, журнале “Палимпсест”. Все это очень разные произведения — по жанру, тематике, но у них есть важное сближающее качество — пушкинский аспект (обращение к образности и мотивам творчества великого поэта)¹. Характерен он и для статьи, о которой пойдет речь в данной работе².

Статья (а датирована она декабрем 1923 года) приходится на тяжкий, трагичнейший период жизни автора. Давняя хроническая болезнь как исход его неупорядоченного в моральном отношении богемного московского бытия осложнилась парализацией, приковала к инвалидному креслу. Не было рядом единственного, самого близкого человека... Духовно чуждая жена, с которой были разорваны все отношения, лишила его возможности общения с обожаемым сыном, его главной надеждой, его оправданием перед Всевышним (как потом выяснится, сын вместе с матерью пропадут без вести где-то в охваченном гражданской войной Крыму)... И в этих условиях статья стала своеобразной попыткой в философском

ключе постигнуть законы прочного семейного союза, разобраться в себе самом и ответить на сокровенный вопрос, а как быть *сердечно зорким*, чтобы обрести верную и преданную спутницу жизни, способную уберечь его от экзистенциального одиночества, дать личное счастье и вернуть к творчеству.

В статье проявился излюбленный прием Садовского при его обращении к самым разным аспектам истории, культуры, быта — эстетизация. Для аргументации своих выводов автор в той или иной степени апеллирует к Шекспиру, Гомеру, Гоголю, Данте, Крылову, Достоевскому, Льву и Алексею Константиновичу Толстым, Чехову... Но более всего примеров из Пушкина. Через него подается и завершающий, обобщающий тезис.

Садовской начинает свою статью с такого посыла: «Всякая философия имеет основой логическое суждение. Философ обязан быть мудрецом. Между тем брак в громадном большинстве случаев является следствием любви, отрицающей, как известно, логику и здравый смысл. Влюбленный человек есть сумасшедший, душевнобольной и место его в лечебнице. Вопрос: допустим ли в этом случае философский метод и не кроется ли в самом понятии “философия брака” безнадёжного противоречия?»³. На поставленный вопрос автор отвечает утвердительно: да, философский метод в отношении брака допустим, более того, именно он является условием семейного счастья. Слагаемые этого философского брачного метода следующие: «Во-первых, брак по любви никогда не может считаться идеалом брака и видеть в нём единственный смысл законных союзов есть ни на чем не основанное заблуждение. Во-вторых, философом имеет право быть всякий умеющий думать в то время, “когда не думает никто”. <...> Как бы пламенно ни был влюблён жених и как бы идеальны ни были его чувства, все же он если не спросит, то хотя бы подумает о приданом невесты — а раз это так, он уже не сумасшедший, а философ, способный стать на разумную точку зрения. В-третьих, любовь и брак со времён Соломона и Гомера окутаны таким густым облаком поэтической лжи, что только путём

¹ Важным будет отметить, что пушкинская тема в творчестве Садовского представляет большой интерес для исследователей. Одна из первых работ в этом плане — статья признанного авторитета в изучении творчества Садовского С.В. Шумихина “Практика пушкинизма” [1]. Статья глубокая, системная, основательная, приоткрывающая многие грани литературной деятельности Садовского. Однако она посвящена в основном историко-архивным вопросам. Что же касается собственно литературоведческого подхода к теме, следует выделить работы нижегородских ученых В.Ю. Белоноговой, Г.Л. Гуменной, С.Н. Пяткина. Так, С.Н. Пяткин формулирует концептуальный тезис, который может быть маяком для исследователей, ставящих своей целью постижение тенденций творческого самоопределения Садовского: «Пушкинское имя, олицетворяющее собой “золотой век”, является своего рода идейно-эстетическим центром художественного мира Садовского» [2, с. 62]. Посвящен означенной теме и ряд наших работ [3]; [4]; [5]; [6]. Обобщая, подчеркнем: пушкинская тема в творчестве Садовского — перспективная тема, и она нуждается в дальнейшей проработке, в частности с привлечением его архивных текстов.

² Садовской Б.А. Философия брака // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 69–83.

³ Там же. Л. 69.

беспристрастного логического мышления можно определить их настоящую сущность»⁴.

Далее Садовской формулирует тезис, собственно и объясняющий существование философии брака как таковой: “Как бы ни решался женский вопрос, одно несомненно: во всяком браке выбирает всегда мужчина. Поэтому говорить о философии брака с ее практическим выводом возможно лишь ставя на жениховскую точку зрения”⁵. А с нее, с этой точки зрения, видится следующее: “При выборе жены различать надо в ней шесть достоинств: — два ценных, но временных и бесполезных для брака <молодость и красота>, два постоянных, но малоценных <ум и характер>, одно мнимое <богатство> и одно настоящее, способное в браке заменить все остальное <такт>”⁶. И Садовской предлагает читателю “беспристрастно” рассмотреть эти достоинства. Изложим здесь его доводы, делая акцент именно на пушкинских примерах. Но прежде предупредим читателя: автор в своих суждениях резок и даже безапелляционен, порой впадает в крайности. Но уж тут, как говорится, что есть, то есть. Это *позиция*, и ее должно принять и понять, чтоб представлять умонастроение недавнего участника столичного Серебряного века, а теперь нижегородского затворника, фанатично непреклонного монархиста, консерватора.

В частности, о таком заявленном выше достоинстве женщины, как ум, Садовской пишет следующее: “Женский ум совсем не то, что мужской. Это или инстинктивная животная хитрость, или сухая способность к усвоению книжных истин. Область житейской мудрости для женщин закрыта. Творчества женщины не знают, критической способности у них нет. Художественное чутье или отсутствует, или выражено слабо. Инициативы никакой. <...> Прежде всего женский ум страшно сух и узок. Лишенный крыльев, он может только шагать и то по узкой дорожке. Вот почему бывают женщины математики, филологи, врачи, но нет философов и поэтов. Поэтессы и беллетристки не в счёт: это все золотая середина. <...> Женщины лишены не только гения, но и простейших талантов. Они могут лишь рабски подражать мужчинам и следовать за ними по готовым старым путям. <...> В своих религиозных и политических взглядах женщины тверже и консервативнее мужчин, но отнюдь не по убеждению, а от неспособности отвергнуть заученные однажды

чужие мнения. Не умея анализировать явления, женщина вечно стремится их обобщать. Упорство в защите необоснованных синтезов — так определяется женский ум”⁷.

И в подкрепление своих мыслей Садовской цитирует строки из третьей главы пушкинского романа “Евгений Онегин”: “Не дай мне Бог сойтись на бале / Иль при разъезде на крыльце / С семинаристом в желтой шале / Иль с академиком в чепце” [7, с. 65] (в тексте Садовского вместо пушкинского “шале” — “шали”). И далее идет своеобразный комментарий к этим строкам: “Вообразите такого академика в семье, за домашним столом, в минуты отдыха и забавы, на брачной постели, на прогулке, среди знакомых. Представьте суждения его о прочитанной книге, о новых картинах, о музыке, о политике, о науке. Слышать все это от женщины с некрасивым сухим лицом, с мужскими манерами, в безвкусном платье, пожалуй, еще с папиросой и в очках; сознавать, что во всей этой болтовне нет ни одного живого слова, ни одной собственной мысли, — нет! лучше жить с учёным попугаем, чем с умной женой. Попугаю по крайней мере можно не отвечать”⁸.

Логика цитирования “Евгения Онегина” в данном контексте дает нам основания предположить, что Садовской также имел в виду и следующие рассуждения Пушкина о женщинах в статье “Отрывки из писем, мысли и замечания”: “Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиной незнание отечественного языка: но какая же дама не поймёт стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самую раздражительную, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к её гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстраивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки...” [8, с. 16]. Перекличка очевидна. (И кстати будет заметить: статья эта публиковалась в один год с третьей главой “Онегина”).

Насчет “*богатства*” Садовской, в частности, пишет: “Это качество, мнимое в полном значении слова, в брачной практике играет важную, вполне реальную роль. При блеске и звоне золота достоинства жены кажутся несомненными, а

⁴ Там же. Л. 69–70.

⁵ Там же. Л. 71.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 75–76.

⁸ Там же. Л. 76–77.

недостатки терпимыми. Золотой дождь утучняет ниву семейного счастья. По-видимому, богатая невеста имеет право быть разборчивой, но это самообман. Она находится в положении лисицы, выбирающей охотника, который ее застрелит. Если невеста неглупа, она превосходно видит, что женихи охотятся не за ней, а за ее приданым. Сознавая это, девушка нетерпеливо ждёт достойного избранника, заслуживающего взять приз. Вот почему богатые невесты часто выходят за нищих художников и учёных. Ими руководит благородная цель: развить и поддержать талант, не говоря о любви, этим талантом внушаемой"⁹. И Садовской так иллюстрирует данный тезис: "Если бы жена Пушкина была богата, поэта ждал бы иной конец"¹⁰.

В определенной мере отзвук этой мысли Садовского слышится нам в другой его статье "Святая реакция", писавшейся в 1921 году, как раз в преддверии складывания его брачной философии: "Почему обижался Пушкин на камер-юнкерство? Только потому, что находил это звание для себя слишком малым. А сделай государь его гофмейстером, он был бы счастлив и горд" [9, с. 435], — а также и в пришедшейся на это же время переписке с двоюродным братом А.А. Блока Г.П. Блоком (отразившей некоторые послы указанной философии), который так отвечал своему корреспонденту: "Вы правду сказали, что Пушкин с удовольствием принял бы гофмейстерство, все самоутверждался" [10, с. 104].

И наконец, в завершение и обобщение статьи "Философия брака" — рассуждения о такте, "единственном и ценнейшем достоинстве женщины", что "не поддается точному определению":

Самое слово такт есть только условный знак, подобный алгебраическому иксу, зато под него можно всегда подставить целый ряд положительных величин. Молодость, красота, ум, характер, добродетель, стыдливость, целомудрие, благородство, порядочность и множество других женских достоинств — все это вместе и покрывается понятием такта и входит в него. Такт есть женственность в высочайшей степени. <...> Женщина, обладающая тактом, ничуть не умней и не красивей других. Вся ее особенность только в том, что она не может не быть собой, как не могли не быть собой Шекспир и Гёте. Такт есть гений женщины, и в жизни он встречается так же редко, как творческий мужской гений.

Обаяние этого гения всесильно. Он доводит все лучшие свойства женщины до их предельного совершенства. С ним во всяком месте при всех возможных условиях женщина всегда пребудет на высоте.

Это не ум, не находчивость и даже не такт в узком смысле: это совсем особое чисто женское свойство, святая соль жизни, без которой мужская сила — пресное молоко. Без него не было бы ни рыцарей, ни искусства, ни красоты.

От Вечной Женственности мы ждём спасения мира.

На фоне брака женственный такт ярко выделяет фигуру мужа, усиливая его достоинства и недостатки. Это делается не по желанию жены, часто даже помимо ее воли: так солнце не может не освещать земли.

Если владеющая таким жена молода, она ведёт себя так, что молодость ее, никого не оскорбляя, кажется тем, чем ей и следует быть: случайным и преходящим качеством.

Если красива, она так держит себя, что красоты ее никто не видит, кроме мужа, а посторонним мужчинам в голову не приходит, что за ней можно ухаживать. Она постоянно вне подозрений¹¹.

И тут Садовской горестно восклицает: "О, если бы жена Пушкина одарена была тактом!"¹². Читателю внушается: отсутствие в жене Пушкина такта, женственного гения, создающего семейный уют, подчеркивающего достоинства мужа и затеняющего его недостатки, предопределило жизненную трагедию поэта. Об этом с предельной категоричностью — в той же "Святой реакции": «В "Гавриилиаде" Пушкиным осмеян Иосиф, обручник Богоматери. Поэт насмешливо просит у него "беспечности, смирения, терпения, спокойного сна, уверенности в жене, мира в семействе и любви к ближнему"». Тогда еще он не подозревал всей ценности этих скромных благ. Из них ему как есть ничего не досталось, но этого мало; жена невинна, — а он — патентованный роносец. Так хитрый сатана разыграл над своим поэтом тему "Гавриилиады"» [9, с. 434–435].

Но вернемся к статье "Философия брака", ибо далее — самое главное в ней, ради чего, собственно, она и написана. Подчеркивая, что "женственность сама по себе еще не есть такт и далеко не всякая женственная жена тактична", Садовской вводит в контекст своих рассуждений образ Татьяны Лариной из "Евгения Онегина". Именно любимая героиня Пушкина, понимает наш автор, является воплощением подлинного такта в женщине, а, увы, не его нареченная супруга, "Мадонна", "чистейший прелести чистейший образец" [11, с. 296]; поэт погнался за внешней красотой, эфемерностью, и прошел мимо иного, истинного. Неслучайно такие вот слова вложил Садовской в уста исповедующейся после смерти мужа Натальи Николаевны Пушкиной в стихотворении 1917 года:

⁹ Там же. Л. 79–80.

¹⁰ Там же. Л. 80.

¹¹ Там же. Л. 80–82.

¹² Там же. Л. 82.

С рожденья предал
 Меня Господь:
 Души мне не дал,
 А только плоть.
 Певец влюбленный
 Сошел ко мне
 И, опаленный,
 Упал в огне. [12, с. 108]

По глубокому убеждению Садовского, пушкинская Татьяна — идеал жены. “...Она абсолютно женственна, и по сравнению с нею легко видеть относительность женственности в смысле простого качества. Татьяна во всех случаях жизни ведёт себя безупречно и с честью выходит из поединка с Онегиным”¹³. Садовской сопоставляет ее с героями произведений Л.Н. Толстого и А.П. Чехова и подчеркивает ее нравственное превосходство:

В Анне Карениной тоже есть женственность, но отсутствует такт. Поступки ее и смерть доказали это. Анна не умна, хотя читает и следит за литературой. Татьяна вряд ли что читала, кроме Ричардсона и Мартины Задеки, особых способностей у неё незаметно, а между тем чувствуешь, что она очень умна. Этот неосознаваемый женский ум Татьяны и есть настоящий такт.

Анна Каренина искусственно избегает деторождения. У Татьяны нет детей, но здесь только подлецу или идиоту может явиться подозрение. Анна курит: ей это идёт, но вообразите Татьяну с папиросой!

Женственна и Чеховская Ариадна, но кто же пожелает иметь такую жену?¹⁴

Уроки судьбы пушкинской Татьяны, ее женственный гений диктуют Садовскому такой вывод его философско-брачной теории: “Одним словом, супруг тактичной жены искренно сознает себя обладателем юнейшей, красивейшей, умнейшей и добродетельнейшей женщины. С тактичной женой богатство не нужно: при ней будет рай и в шалаше. Итак, идеал семейного счастья найден; что и требовалось доказать”¹⁵.

* * *

Обращение к образу пушкинской Татьяны в статье Садовского не есть лишь аргумент для философского теоретизирования по случаю. Он весьма важен в плане как эстетических, так и житейских ценностей автора. Сделаем экскурс в его творческую биографию. В собрании его лирики есть стихотворение с символическим названием “Татьяна” (одно из лучших в его творчестве), посвященное его давней, еще с гимназических лет, близкой знакомой Ольге Чубаровой. Здесь автор переосмыслил свои взаимоотношения с адресатом в духе онегинского сюжета:

Но чаще в облаке мечтаний
 Иной являешься мне ты,
 И милой Тани, бедной Тани
 Я узнаю в тебе черты.
 <...>

А твой бездушный друг Евгений
 Стал жертвой пошлой суеты.
 Он чужд глубоких вдохновений,
 Его спасти бессильна ты.

Кто знает, может быть, влюбленный,
 Он ждет, что ты простишь его.
 Безумец жалкий, ослепленный,
 Бежавший счастья своего? [13, с. 438]

Некогда Онегин, в свою деревенскую встречу со “смирненной девочкой” Таней, в ней “искру нежности заметя”, “ей поверить не посмел” [7, с. 169]. Так и Садовской оказался не зорким сердцем: не смог разглядеть в свои лучшие годы в умной, “пылкою душой” [13, с. 428] гимназистке Чубаровой свою судьбу — и личное счастье не состоялось, и вся жизнь пошла наперекосяк...

Помимо стихотворения “Татьяна”, означенный онегинский сюжет прочитывается также и в исполненной автобиографических реалий пьесе-мелодраме Садовского “Мальтийский рыцарь” (которую нам выпала честь впервые опубликовать [14]) — в истории взаимоотношений ее персонажей — Федора Лукоянова и его невесты Оленьки. Но только сюжет этот здесь уже «дан в своеобразной косвенной форме, по сути лишь на уровне настроения. И он как бы повернутый вспять, к истоку своему, предрекающему принципиально иное разрешение. И естественно, лишенный уже традиционной трагичности, что диктовалось условиями мелодраматического жанра; неслучайно представление “Мальтийского рыцаря” прошло на кабаре-сцене Петербурга» [6, с. 303].

В написанной онегинской строфой ранней шуточной поэме “Вениамин Терновский”, приходящейся на первый год сотрудничества в брюсовских “Весах”, выведен пародийный образ нижегородской гимназистки Катеньки Крюковой, лишенной женственного такта, и он ассоциативно воспринимается как антипод Татьяны Лариной, подчеркивая тем самым гармоничность и величие пушкинской героини, немеркнущую актуальность ее, как идеала, во все времена.

Укажем на еще один пример отражения образности пушкинского романа в творчестве Садовского — уже в его художественной прозе. Так, герой одной из повестей начала 1910-х годов, включившей автобиографическое начало, имеет репутацию в обществе *господин Онегин*. И этот *Онегин* — alter ego автора.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 82–83.

¹⁵ Там же. Л. 83.

В соответствии с житетворческими принципами культуры модерна (а к ней всецело принадлежал наш автор) столь значимый для Садовского онегинский сюжет экстраполировался и в его житейскую биографию — в концепцию собственного образа, в круг общения... Заслуживает, в частности, быть отмеченным следующий факт. На женитьбу своего друга-земляка пушкиниста Мстислава Цявловского на Татьяне Зенгер Садовской откликнулся эпиграммой (символически датированной "19 Окт. 1930"):

Вослед влюбленному Мазепе,
Святынь словесных страж седой,
Ты в дебри книжные и степи
Укрылся с девой молодой.
Самонадеянный Евгений
Пал, как подстреленный орел,
А ты в тиши вечерних теней
Татьяну светлую обрел.
Так пусть же буйной вешней силой
Овеет вас Цитеры сад,
Проказник мотыльковокрылый
Да будет вечный ваш Пенат. [1, с. 164]

Имя *Татьяна* здесь звучит как предвестие счастливого семейного союза. И Садовскому важен этот акцент. И неслучайно в дальнейших письмах Цявловскому он непременно будет вспоминать его жену Татьяну: *кланяться ей, передавать привет, целовать ручки*. (И кстати, в связи с этим, обмолвиться: не исключено, что несколькими годами ранее, выбирая уже себе в жены также Татьяну — Татьяну Звенигородскую, сестру поэта-земляка Андрея Звенигородского, Садовской, при прочих обстоятельствах, мог исходить и из магии дорогого ему имени. Правда, счастья ему это не принесло: из-за завышенных ожиданий, да и, наверное, из-за чрезмерной привязки брачной теории к реальности...)

У Садовского была склонность характеризовать знакомых ему женщин через сопоставление с пушкинской Татьяной, — и симпатизируемые им по духу одаривались соответствующим изящным комплиментом. Вот, к примеру, какой инскрипт сделал наш автор на самой знаменитой своей книге "Самовар" (1914), преподнося ее сестре поэта Г.И. Чулкова:

Идеальной Любви Ивановне Рыбаковой, в знак неизменного поклонения. *Б. Садовской. 27 марта 1914. М. <Москва>*

Когда бы Пушкин видел Вас,
Он верно б с Вас писал Татьяну.

Б.С. [15, с. 31]¹⁶

¹⁶ Эта книга не так давно выставлялась на одном из аукционов Москвы.

Упомянувшуюся выше репутацию *господин Онегин* своего литературного героя Садовской культивировал и поддерживал в обыденном поведении (когда бессознательно, как близкий и родственник ему психологический тип, а когда и целеустремленно, с твердой решимостью). Одним из выражений этого были заказываемые им в столичном фотоателье его стилизационные фотокарточки. "...Есть такие, где я схож с оперным Онегиным" [13, с. 451], — писал он в октябре 1914-го Ольге Чубаровой, своей "воплощенной совестью", "подруге муз" [16, с. 454]. Одну из своих онегинских карточек, правда, уже иной тональности, но также с "боливаром"-цилиндром, Садовской послал А.А. Блоку, пред которым, как художником, благоговел, в котором видел воплощение моцартовского начала искусства, — послал как некую самохарактеристику, своего рода исповедь. И Блок понял душевный порыв своего корреспондента, его неудовлетворенность судьбой, затаенную тревогу. И с полной искренностью, соучастием ответил: "...портрет хороший; только на нем Вы печальный и больной; смотря на него, я чувствовал к Вам нежность" [17, с. 313].

В связи с вышеизложенным вспомним и еще одного современника Садовского С.Н. Дурылина. В его насыщенных богатейшей информацией мемуарах "В своем углу" есть интереснейшее свидетельство, приуроченное к 1912 году, о том, каким ему однажды увиделся Садовской: «Когда я вошел в помещение "Эстетики" ("Общества свободной эстетики". — *Ю. И.*) <...>, первый, кого я увидел из знакомых, был Борис Садовский в сюртуке, в лаковых штиблетах, тонкий, изящный, обритый наголо, — немножко персонаж <...> с того бала, на котором Онегин увидел Татьяну» [18, с. 785].

Здесь Садовской — словно бы сошедший с его *онегинской* фотокарточки... Добавим также, что Дурылин немало писал о Садовском, хорошо знал и понимал его, ценил как яркую и оригинальную личность ("Б. Садовский — умный и острый" [18, с. 606]). И неизменно подчеркивал основополагающую значимость для него — литератора и человека — пушкинского творческого наследия ("Его богом был Пушкин" [19, с. 388]). А в своем стихотворном портрете его как характерную деталь выделил следующую черту:

В руках — в оливковом сафьяне
"Онегина" любимый том¹⁷.

¹⁷ Дурылин С.Н. Б.А. Садовскому // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 3. Ед. хр. 259. Л. 21.

И еще факт. Упомянувшийся уже Г.П. Блок по поручению Садовского посетил жившую в Петрограде давнюю знакомую последнего, Веру Петровну Уварову, отношения с которой стали одним из побудительных стимулов написания статьи “Философия брака”. И в подробном отчете об этой встрече особо отметил: “Показывали Ваши фотографии: на стене большая в цилиндре, на столе маленькая — со спины, в профиль. Эта отличная, и мне обидно, что у меня ее нет. Что-то в скулах, в челюстях, в общем устремлении — Пушкинское” [10, с. 104]. Опять *онегинский* образ...

Архивные документы открыли нам, сколь дороги были эти фотографии для Веры Петровны, любившей Садовского в нижегородскую гимназическую пору. И сколь много тревожных дум передумала она, теперешняя, в своей незадавшейся женской доле, о предложении Бориса Александровича, больного, нуждавшегося в уходе, выйти за него замуж. Согласие было ею дано. Но, увы, все в итоге обернулось, как и случае с Татьяной Звенигородской: рационалистическая *философия брака* снова пошла вразрез с реальной жизнью. Прав оказался Г.П. Блок, предупреждавший Садовского: «...все это у Вас от “головы”, от теории» [10, с. 104].

Но как бы то ни было, удалось-таки Садовскому, при всех ошибках, горестях, при всех, по выражению того же Г.П. Блока, “благоразумных рассуждениях” [10, с. 104], обрести *свою Татьяну*, ту единственную женщину, что явилась для него олицетворением истинного, возводимого им в абсолют такта. Ею стала Надежда Ивановна Воскобойникова, вдова казачьего офицера. Она была оригинальной личностью, прирожденного авантюристического склада, склонная к просто немислимым для обычных людей поступкам, но постаралась все отринуть, забыть — по сути самое “я” и посвятить свою жизнь, силы, способности Борису Александровичу, раз и навсегда решив, что в их семейном союзе он — первое и главное лицо, а она — лишь при нем, чтоб дать ему счастье. И он получил все, в чем нуждался: уют, покой, взаимопонимание, условия для занятий главным своим делом — литературным творчеством. И мог с полным основанием в посвященном жене стихотворении заявить:

Как блудный сын на зов отеческий,
И я в одиннадцатый час
Вернулся к жизни человеческой... [12, с. 140]

* * *

Под приведенным выше суждением Дурылина о Садовском — “его богом был Пушкин” — могли

бы подписаться многие из знавших нашего автора. Пушкинская тема была одной из магистральных в его творчестве. О великом русском поэте Садовской писал в художественной прозе, стихах, драматургии, критике. И имел в литературных кругах амплуа “пушкинианца”¹⁸. Творчество Пушкина было для него эстетическим эталоном, с ним он соразмерял все ценное в искусстве. Но здесь следует оговориться: такое характерно все-таки только для дореволюционного Садовского. После же Октября 1917-го он кардинально меняет свое отношение к Пушкину, “преодолевает” его как ложного кумира ненавистной ему интеллигенции Серебряного века, повинной в гибели монархически-православной России (именно такая концепция будет определять всю последующую литературную деятельность Садовского). Но при всем том неизменным остается его преклонение пред образом Татьяны из романа “Евгений Онегин” как женским идеалом на все времена. И подтверждение этого — представляемая читателю статья “Философия брака”¹⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шумихин С.В. Практика пушкинизма (1887–1999) // Новое литературное обозрение. 2000. № 41 (1). С. 131–203.
2. Пяткин С.Н. Образ Пушкина в прозе Бориса Садовского // Болдинские чтения 2012. Большое Болдино: Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина “Болдино”, 2012. С. 60–70.
3. Изумрудов Ю.А. Неизвестная статья Бориса Садовского “Два канцлера” // Болдинские чтения 2017. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 64–75.
4. Изумрудов Ю.А. Неизвестная “онегинская” поэма Бориса Садовского // Болдинские чтения 2018. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 171–179.
5. Изумрудов Ю.А. Неизвестный Борис Садовской в архиве М.А. Яхонтовой // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 6. С. 54–59.
6. Изумрудов Ю.А. Скрытый онегинский сюжет в пьесе Бориса Садовского “Мальтийский рыцарь” // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 302–304.

¹⁸ Багриновский М.М. Предисловие <об истории создания оперы “1812 год”> // РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 5.

¹⁹ Публикация полного текста статьи “Философия брака” готовится нами.

7. Пушкин А.С. Собр. сочинений: В 10 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1960. 598 с.
8. Пушкин А.С. Собр. сочинений: В 10 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1962. 583 с.
9. Садовской Б.А. Лебединые клики. М.: Советский писатель, 1990. 475 с.
10. Влюбленные в Фета: Письма Г.П. Блока к Б.А. Садовскому (1921–1922) // Наше наследие. 2008. № 85. С. 76–115.
11. Пушкин А.С. Собр. сочинений: В 10 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1959. 799 с.
12. Садовской Б.А. Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи. СПб.: Академический проект, 2001. 396 с.
13. Садовской Б.А. Морозные узоры: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2010. 568 с.
14. Изумрудов Ю.А. Из истории драматургических замыслов Бориса Садовского: мелодрама "Мальтийский рыцарь" // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 4. С. 168–202.
15. Аукцион № 46. Автографы и первые издания Серебряного века из частного собрания И.Б. Жванецкого. Каталог. Часть 2. М.: ООО "Аукционный дом Империя", 2016. 176 с.
16. Анчугова Т.В. "В Москве многое запрятано в глубину" (Борис Садовской и Ольга Шереметева: неизвестные материалы) // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Выпуск 3. М.: Изд-во объединения "Мосгорархив", 2002. С. 451–471.
17. Переписка А.А. Блока с Б.А. Садовским // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Книга 2. М.: Наука, 1981. С. 309–314.
18. Дурьлин С.Н. В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. 878 с.
19. Книгоиздательство "Мусaget": История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы. М.: РГГУ, 2014. 528 с.
- [Boldin Readings 2017]. Nizhnij Novgorod, 2018, pp. 64–75. (In Russ.)
4. Izumrudov, Yu.A. *Neizvestnaya "oneginskaya" poehma Borisa Sadovskogo* [The Unknown "Onegin" Poem of Boris Sadovskoy]. *Boldinskie chteniya 2018* [Boldino Readings 2018]. Nizhnij Novgorod, 2018, pp. 171–179. (In Russ.)
5. Izumrudov, Yu.A. *Neizvestnyj Boris Sadovskoj v arhive M.A. Yakhontovoj* [The unfamiliar Boris Sadovskoy in Marina Yakhontova's records]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2018, Vol. 77, No. 6, pp. 54–59. (In Russ.)
6. Izumrudov, Yu.A. *Skrytyy oneginskiy syuzhet v pyese Borisa Sadovskogo "Maltiyskiy rytsar"* [The Onegin Plot Hidden in Boris Sadovskoy's Play "The Knight of Malta"]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education]. 2020, No. 1 (80), pp. 302–304. (In Russ.)
7. Pushkin, A.S. *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 4* [Collected Works in 10 Vols. Vol. 4]. Moscow, 1960. 598 p. (In Russ.)
8. Pushkin, A.S. *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 6* [Collected Works in 10 Vols. Vol. 6]. Moscow, 1962. 583 p. (In Russ.)
9. Sadovsky, B.A. *Lebediniye kliky* [Swan Calls]. Moscow, 1990. 480 p. (In Russ.)
10. *Vljubljonnye v Feta: Pisma G.P. Bloka B.A. Sadovskomu. 1921–1922* [Fell in Love with Fet: Letters from G.P. Blok to B.A. Sadovsky. 1921–1922.]. *Nashe nasledie* [Our Heritage]. 2008, No. 85, pp. 76–115 (In Russ.)
11. Pushkin A.S. *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 2* [Collected Works in 10 Vols. Vol. 2]. Moscow, 1959. 799 p. (In Russ.)
12. Sadovsky, B.A. *Stikhotvoreniya, rasskazy v stikhakh, pyesy i monologi* [Poems, Stories in Verse, Plays and Monologues]. St. Petersburg, 2001. 398 p. (In Russ.)
13. Sadovsky, B.A. *Moroznyye uzory: Stikhotvoreniya i pisma* [Frosty Patterns: Poems and Letters]. Moscow, 2010. 568 p. (In Russ.)
14. Izumrudov, Yu.A. *Iz istorii dramaturgicheskikh zamyslov Borisa Sadovskogo: Melodrama "Maltiyskiy rytsar"* [From the History of the Dramatic Designs of Boris Sadovsky: Melodrama "The Knight of Malta"]. *Palimpsest. Literaturovedcheskiy zhurnal* [Palimpsest. Literary Journal], 2019, No. 4, pp. 168–202. (In Russ.)
15. *Aukcion № 46. Avtografi i pervie izdaniya Serebryanogo veka iz chastnogo sobraniya I.B. Zhvaneckogo. Katalog. Chast 2* [Auction No. 46. Autographs and First Editions of the Silver Age from the Private Collection of I.B. Zhvanetsky. Catalog. Part 2]. Moscow, 2016. 176 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Shumikhin, S.V. *Praktira pushkinizma* [The Practice of Pushkinism (1887–1999)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2000, No. 41 (1), pp. 131–203. (In Russ.)
2. Pyatkin, S.N. *Obraz Pushkina v proze Borisa Sadovskogo* [The Image of Pushkin in Prose of Boris Sadovsky]. *Boldinskie chteniya 2012* [Boldino Readings 2012]. Bolshoe Boldino, 2012, pp. 60–70. (In Russ.)
3. Izumrudov, Yu.A. *Neizvestnaya statya Borisa Sadovskogo "Dva kantslera"* ["Two Chancellors": The Unknown Article by Boris Sadovsky]. *Boldinskie chteniya 2017*

16. Anchugova, T.V. “*V Moskve mnogo zapryatano v glubinu*” (*Boris Sadovskoj i Ol’ga Sheremeteva: neizvestnye materialy*) [“In Moscow, Much is Hidden in the Depths” (Boris Sadovsky and Olga Sheremeteva: Unknown Materials)]. *Moskovskij arhiv. Istoriko-kraevedcheskij al’manah. Vypusk 3* [Moscow Archive. Historical and Local History Almanac. Issue 3]. Moscow, 2002, pp. 451–471. (In Russ.)
17. *Perepiska A.A. Bloka s B.A. Sadovskim* [The Correspondence between A.A. Blok and B.A. Sadovskoy]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Alexandr Blok. Noviye materialy issledovaniya. Kn. 2* [Literary Heritage. Vol. 92: Alexander Blok. The New Research. Book 2]. Moscow, 1981, pp. 309–314. (In Russ.)
18. Durylin, S.N. *V svoem uglu* [In Your Corner]. Moscow, 2006. 879 p. (In Russ.)
19. *Knigoizdatelstvo “Musaget”: Istoriya. Mify. Rezultaty: Issledovaniya i materialy* [“Musaget” Publishing House: History. Myths. Results: Research and Materials]. Moscow, 2014. 526 p. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 1 августа 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 23 сентября 2022 г.
Статья принята к публикации: 15 октября 2022 г.
Дата публикации: 31 декабря 2022 г.*

*Received by Editor on August 1, 2022
Revised on September 23, 2022
Accepted on October 15, 2022
Date of publication: December 31, 2022*